

Нелли СОКОЛОВА

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПОДВИГУ

Серёжа!

Моё последнее сказание, которое я хотела предложить в журнал, не состоялось. Ошибочно и сам очерк об Афанасии Шилине, дважды Герое Советского Союза, и все расшифровки моей беседы с ним оказались выброшенными. Досадно, о нём в Кузбассе как-то мало писали. Осталась одна фотография – красивый генерал в красивой генеральской форме.

Посылаю тебе подборочку «Прикосновение к подвигу». Сделала её с мыслью, что может пригодиться для школьных музеев. Какое-то беспокойство меня всё время скребёт – ведь и о Масалове с его девочкой новые дети мало что знают. А мне повезло тогда, я первая из журналистов после того, как о нём вспомнил маршал Чуйков, встретила с ним и рассказала по радио. И ещё кое-что для школьных учителей тут может пригодиться. Поэтому прошу тебя – передай это Галине Ивановне Карповой, она имеет связь со школами, позвони ей. А твоё внимание хочу обратить на очерк «Сестричка из 22-й гвардейской». Когда писала его и потом даже, когда уж был напечатан, совсем не писали о тяжелейших боях на Ржевско-Вяземском выступе в линии фронта. А сейчас о том периоде вспомнили, мемориал воздвигают, конкурс на главную фигуру состоялся (солдат на крыльях журавлей). Готовятся открыть ко Дню Победы. Там наши сибирские дивизии полегли, там и сестричка Лидия Мичурина бедовала, первые ранения и первые награды получила. Вот такое произошло сближение. Может, и нам вспомнить? Я там в конце материала немножко написала об этом.

Желаю тебе, Серёжа, всяческих успехов в жизни.

«Уходящая натура» Н. Соколова.

Вечный огонь

Когда земля озеленится маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
И неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат,
Что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Михаил НЕБОГАТОВ

Со многими замечательными людьми за полвека работы в журналистике я встречалась. По-доброму, с благодарностью помню их. Но знакомство с Николаем Ивановичем Масаловым, спасшим во время штурма Берлина маленькую немецкую девочку, не только памятно – оно оставило в душе свет, который всегда со мной. Подвигу нет срока давности. И как бы далеко от нас ни уходили события Великой войны, имена участников героических былей не должны забываться. Из поколения в поколение

96

Николай Масалов. 1964 г.

передаются они. И те, кто нас значительно моложе, хотят знать, как же всё было.

Работала я тогда на Кемеровском областном радио. Николай Иванович в ту нашу давнюю встречу совсем не был избалован вниманием, не наскучили ему ещё корреспонденты со всех городов и весей. Впервые от меня услышал он о публикации в журнале «Октябрь» воспоминаний маршала Василия Чуйкова «Конец Третьего рейха», в которых тот и рассказал о подвиге солдата из Сибири, знаменщика 220-го гвардейского стрелкового полка Николая Масалова. В самом конце войны в момент штурма последнего убежища Гитлера Тиргартена солдат вынес из-под огня немецкую девочку. Чуйков вспоминал, как всё это произошло, и сообщил, что рассказал о случившемся Евгению Вучетичу: это вдохновило скульптора на создание главной фигуры памятника-монумента в Трептов-парке в Берлине – солдат с девочкой на руках.

Родился Николай Иванович Масалов в 1922 году в деревне Вознесенке Тисульского района. Семья была многодетная, так что, когда пришла пора защищать Родину, на войну ушли четверо братьев Масаловых. Андрей с тяжёлой артиллерией до Европы дошёл, Василий танкистом стал, Михаил на северных фронтах в пограничных войсках воевал, Николай – под Сталинградом в миномётной роте наводчиком. Это потом, уже на Украине, в селе Широком, назначили его знаменосцем.

Родители получали от сыновей солдатские трюгальнички: «Жив, здоров, бью фашистского гада. Не волнуйтесь». Даже о ранениях и контузиях сообщали парни уже после лечения в госпиталях. Приходили письма и от командиров частей, где служили сыны, благодарственные письма. Хранила их мать, а потом, уже через много лет после войны, жена Николая.

Одно из них в ту давнюю встречу я переписала в блокнот, испытал (и сейчас тоже испытываю) чувство благодарности к командирам нашей Красной армии. В жесточайших боях, под огнём, думали они не только о своих солдатах, но и об их родителях, живущих в далёких-далёких сёлах, желали их ободрить, дать надежду.

Уважаемый Иван Ефимович!

Наша гвардейская часть отмечает третью годовщину своего существования. За годы Отечественной войны мы прошли большой победоносный боевой путь от Волги за Вислу, освободив от немецко-фашистских извергов тысячи сёл, десятки городов нашей советской земли. Родина достойно оценила наши боевые заслуги, наградив нашу часть тремя орденами – орденом Суворова, Красного Знамени, Богдана Хмельницкого. Рядом благодарностей удостоились мы от Верховного главнокоманду-

ющего И. В. Сталина за умелые боевые действия по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Непосредственным участником этих славных боевых дел является ветеран нашей части Ваш сын гвардии старший сержант Николай Иванович Масалов. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество он награждён медалями: «За оборону Сталинграда», «За отвагу».

Командование гордится Вашим сыном и приветствует Вас в день нашего юбилея, который мы отмечаем сейчас за пределами нашей Родины, на подступах к логову фашистского зверя. Желаем Вам здоровья, успехов в работе по оказанию помощи фронту для быстрейшего и окончательного разгрома врага. Крепко жму Вашу руку.

Командир части 39232 гвардии генерал-майор Вагин. 5.12.44 г.

Позднее, уже в 1945 году, Николай Масалов был награждён медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», польской медалью «За Варшаву», орденом Славы III степени.

В самом конце мая 1964 года в маленьком неказистом домишке на окраине Тяжина, где жил Николай Иванович с женой и дочкой-школьницей, сидели мы за столом. Парок шёл от только что сваренной картошки, селёdochка была почищена. Ветеран решил, что по такому случаю можно и по рюмочке выпить. Не ожидал солдат, что про него маршал вспомнит, всему миру расскажет. Потрясён был. Изображение памятника, что стоит в Берлине, много раз видел. Сказал мне с изумлением: «Не думал, что это про меня... Случай-то с девочкой был, я про него жене рассказывал и Валюшке, как подрастать стала».

Николай взял лист бумаги и стал рисовать план того места в Берлине, откуда шли они на Рейхстаг. Насыпь из искорёженного асфальта, канал, мост разрушенный. Я тихонько включила магнитофон.

– Рано было, тишина стояла. Все орудия молчали, только готовились мы к штурму и вдруг плач услышали, жалобный такой, и голосок: «Мутер, мутер». Из-под моста доносилось. Я сообразил, как туда пробраться, обратился к командиру за разрешением. Он говорит, ухлопают, мол, тебя, сержант. «Нет, пройду». До моста метров шестьдесят было. Ползком с насыпи, потом вот здесь в обход пробежками – и под мост. Увидел, женщина лежала убитая, а рядом девочка ползала, лет трёх. Кошёлочка стояла. Взял девочку на руки, от страха она замолчала. Только хотел высунуться, пулемёт застрочил. Я девочку каской прикрыл, крикнул своим: «Пулемёт из окна, заткните ему глотку! Я с ребёнком».

Наши ударили по пулемёту, пушки заговорили. Я одним махом перелетел это пространство, в проёме стены оказался. Отдал девочку штабистам.

– А сам?

– Сам – к знамени. На последний штурм пошли, всё уже загудело.

Какое-то мгновение мы молчим. Потом жена, смахнув слезу, говорит:

– Он за детишек куда угодно бросится. Вот и теперь ведь всё с ребятами возится, на лошадке катает, скамеечки, горки им ладит. Вы его ведь в детском саду нашли? Туда завхозом ушёл, как со здоровьем совсем плохо стало... Расскажи, Коля, и про Сталинград, как на лодке ребяташек перевозил. Помнишь?

– Я про то, умирать буду, никогда не забуду.

И тут услышала я рассказ, который тоже не забываю.

Перевозил Николай с товарищами снаряды с одного берега Волги на другой. Туда – боеприпасы, назад – детей сажали, которые ещё в городе оставались. Одна маленькая девчушка уцепилась за Николая, не хотела идти в лодку. Тогда он посадил в лодку к товарищу девочку вместе с матерью. Но когда выплыли они на середину Волги, налетел «мессер», прострочил всех, и лодка перевернулась, только панамка по воде поплыла.

Никто, наверное, и сейчас без волнения не прочтёт эти строчки. А тогда Николай Иванович, сглотнув комок в горле, сказал:

– После уже сам всегда на вёсла садился. Как-то мне лучше удавалось разрывы обходить.

Вот откуда начался-то его подвиг!.. Ради ребёнка, ради новой маленькой жизни...

«Ради будущего», – сказали потом за Николая журналисты. И другие, высокие и справедливые, слова написали. А он просто не мог поступить иначе. И не раздумывал ни минуты.

– На Волге были наши ребяташки, а в Берлине под мостом – немецкая девочка, – всё же сказала я Николаю Ивановичу.

Вот его ответ с той старой плёнки:

– Она дитё, ни в чём не виновата. Её спасти надо было. Я сердцем болел, чтоб она уцелела.

Столько смертей повидал, друзей хоронил, сам на краю жизни не один раз оказывался и тут, можно сказать, за час до Победы, немецкую девочку собой прикрыл, «сердцем болел, чтоб она уцелела»!

Не одну меня потрясли слова Николая Масалова. Радиоочерк смонтировали мы в тот же вечер, как я вернулась из Тяжина. А наутро, 1 июня, в День защиты детей, прозвучал он через Новосибирскую станцию на всю Сибирь. Через день передали его по Всесоюзному радио и на группу советских войск в Берлине. Сколько писем тогда пришло на радио! Благодарили Масалова, восхищались им, хотели знать, как он сейчас живёт. Где та девочка? Знакомы

ли они? Даже из ГДР газета «Юнгвельт» переслала нам письма. А в Тяжин ехали, летели, мчались журналисты газет, радио, кинохроники, телевидения. Ни одно советское издание не обошлось без рассказа о подвиге Масалова, да и зарубежные поместили о нём статьи, очерки. Кемеровский писатель Владимир Ворошилов написал книгу «Подвиг, отлитый в бронзу».

Не дожили до этих счастливых для старшего сына дней его родители. Нет уже с нами и Николая Масалова. Все дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война. Но особенности человеческой памяти безграничны. Благодарные земляки поставили в Тяжине памятник герою и открыли его музей. Но подвиг героя воплотился не только в памятнике. Он стал легендой.

СЕСТРИЧКА ИЗ 22-й ГВАРДЕЙСКОЙ

*Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга...*

А. ТВАРДОВСКИЙ

«Всем было тяжело на войне, но как выдерживали этот ад девчонки, до сих пор не могу понять», – не раз я слышала подобное от бывших воинов. Скажут и замолчат, слов не находят. Да и где они, те слова, чтобы объяснить не почему пошли на защиту Родины вчерашние школьницы-комсомолки, а как вынесли постоянную угрозу смерти, невероятные физические нагрузки, полное отсутствие санитарных условий, ранения и контузии? Ведь они были ещё совсем хрупкими в свои 18–19 лет. Но выдюжили наравне с мужчинами, к Победе пришли.

Читаю записки-воспоминания гвардии старшины медицинской службы 9-й стрелковой роты 3-го батальона 65-го Кузбасского полка Лидии Мартемьяновны Мичуриной. Прошла она с солдатами своей родной 22-й (150-й) гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев от прифронтовых деревень под городом Белым Калининской (ныне Тверской) области до латвийского города Мадонна под Ригой, где была в третий раз ранена, тяжело контужена, в 20 лет стала инвалидом. Небольшая её книжка издана в Кемерове более 20 лет назад тиражом всего в 500 экземпляров, поэтому немногие могли её прочесть. А жаль! В ней, как признали ветераны, правда о войне. Написана искренне, с любовью к боевым товарищам, с благодарной памятью о них, живых и мёртвых. В ней нет восторженных слов о героизме, о подвигах. Лидия рассказывает о труде и повседневной жизни на войне девушек-санитарок. Оторвались они от мам, учителей, книг,

Л. М. Мичурина

мечтаний и попали на передовую жесточайших сражений. Но ведь сами рвались на фронт! И потому плакали порой, откнувшись в колени друг другу, испытывая неимоверный страх и ужас, но так, чтобы не видели солдаты.

«Я очень боялась, что кто-нибудь поймёт, что я трушу, солдаты увидят. Сильнее всего этот страх был, – вспоминала Лидия Мартемьяновна. – Увидят – доверять перестанут. А без доверия друг к другу на фронте не выжить. Солдаты знали, что к ним, к раненым, прибежит, приползёт санитарка, поможет. А мы были уверены, что в опасной ситуации они нас не оставят, выручат из-под носа у фашистов».

В ноябре – декабре 1942-го и в начале 1943 года 22-я стрелковая дивизия сибиряков-добровольцев в составе Калининского фронта, преодолевая упорнейшее сопротивление фашистов, изгоняла их с Ржевско-Вяземского выступа в линии фронта. Немцы намеревались использовать этот выступ как плацдарм для нового наступления на Москву. По несколько раз переходили из рук в руки начисто сожжённые деревни и посёлки. Ди-

визия обескровливалась, много раз пополнялась, потери были огромные.

Место санитарки с солдатами – в самом уголке укрытия, которое устраивали из ящиков с землёй, установленных над траншеей. В долгих боях, всю зиму в окопах, без смены белья, без бани. Одежда пропитана потом и гарью, рукава и полы шинели – в крови, завшивленные и чумазые. И всегда на глазах мужчин, а ведь необходимо было и уединяться хоть ненадолго. Когда вдвоём, то проще, а когда одна среди солдат, то старалась девчонка держаться ближе к тем, кто постарше. Они и поймают, и помогут. Но солдаты часто менялись. Уйдут в бой 100–120, а вернутся 8–10.

Поднялись из окопов, пошли в атаку бойцы – санитарка должна бежать за ними. Проскочить под огнём бруствер – и туда, где рвутся снаряды, свистят пули, где уже кто-то зовёт: «Сестрица!». Помощь надо оказать как можно быстрее, пока раненый не погиб от потери крови или болевого шока. По изрытой снарядами земле ползти, бежали в полусогнутом состоянии, падали на бегу. «Ползёшь на голос, слышишь только: «Сестра, сестра...» Пули над головой «жик-жик». Раненый лежит в глубокой воронке. Попробуй его оттуда вызволить! Никого рядом с тобой. Помощи ждать не от кого. Берёшь, полусидя, раненого за ремень и подтаскиваешь шаг за шагом ближе к краю воронки. Рванёшь из всех сил и вытянешь. Найдёшь место потише, оставишь его там, а сама опять под огонь. Бывало и так, – вспоминает она. – Тащишь тяжело раненного на спине или волочишь на чём придётся, выбьешься совсем из сил. Он скажет: «Оставь меня, сестрёнка. Не выжить мне, и ты пропадёшь тут со мной». – «Что ты, милый, ты только потерпи ещё немножко... Я сейчас. Выберемся мы с тобой, в санроту тебя передам, они в госпиталь отправят. Вылечат там тебя обязательно». И от этой веры и у самой сил прибавится, дальше двигаемся, а он рукой ли, ногой ли неискалеченной пытается помогать тебе».

Лидия ещё на фронте писала стихи, заметки о подругах в дивизионную газету. Без сострадания, душевной боли и сейчас не расскажешь обо всём, что случалось с ними на поле боя. Увечья подруг переживали особенно тяжело. Все девчата очень боялись ранений в лицо. «Только не в лицо!» – молила каждая. Но пуля ведь не выбирает. Вот фотография Вали Юдиной, теперь она Однодворцева. Красивая была девушка. А домой в Прокопьевск вернулась со шрамом во всю щёку и без глаза. Шрамы у многих оставались на всю жизнь. И на всём пути дивизии оставались могилы девушек-санитарок: Маши Тимофеевой и Кати Илюшиной – близ деревни Симоновки в ноябре 1942 года, Саши Сучковой – под посёлком Локня

в феврале 1943-го, Тони Сорокиной и Ани Носковой – под Ельней, на высоте 233,3, Маши Старцевой (Маши Беленькой – так звали её солдаты) – у деревни Опочка-Пустошка в 1943-м, Ани Сухановой и Оли Жилиной – в Латвии в октябре 1944-го...

Когда в 1988 году возила Лидия Мартемьяновна ребят из школы № 60 деревни Красной (г. Кемерово) на место боёв своей дивизии, на высоте 233, 3 нашла могилу Тони Сорокиной. Опустилась на колени у обелиска, слёз не могла удержать. Ребята стояли потрясённые. Знали они многое о жестоких боях у этой высоты. Есть у них в музее боевой славы фотография той местности и портрет Антонины Сорокиной есть, не раз посетителям музея о ней рассказывали. Давно война прошла, их и на свете ещё не было. Но сдвинулось время в летний солнечный день. Стояли дети у забытой могилы, молчали, и казалось, что это они только что похоронили свою славную сандружинницу. Музеем в школе руководила Анна Артемьевна Мандрова, хороших ребят воспитывала.

А Лидии Мартемьяновне словно завещал кто, назначил быть связной между поколениями. И не забывала она об этом никогда...

В конце 1944 года вернулась Мичурина после госпиталя в Кемерово. На руках – свидетельство об инвалидности, в красноармейской книжке – запись о наградах – ордене Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За отвагу». Жизнь надо было начинать заново... Устроилась на работу санитарным врачом. Почти 30 лет оберегала здоровье кемеровских угольщиков.

Через пять лет после Победы в Новосибирске состоялась первая встреча ветеранов дивизии. Организовал её бывший замполит дивизии Андрей Сергеевич Ширяев. Семьсот человек собралось. Радости и слёз было море. Узнавали, отыскивали друг друга, обменивались адресами. Не все смогли приехать. Далеко от Сибири разметала иных судьба. Но по цепочке, от одного к другому летели весточки.

У Лидии Мичуриной появились 90 респондентов. Объединила она их, согрела приветом и вниманием. И постепенно стала её квартира наполняться их воспоминаниями, книгами, фотографиями. И стал её дом настоящим музеем боевого пути 22-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев.

С каким интересом рассматривают школьники прежде всего четыре альбома её рисунков, в которых – путь дивизии от принятия присяги на Юргинском полигоне в сентябре 1942 года до последних боев за Ригу. Лидия Мартемьяновна никогда не

училась рисовать, не то детство было в полунищей семье: отец рано умер, на руках у матери – трое детей. Это у Лиды – природный дар, рисует карандашом и красками. В Музее воинской славы в Кемерове устраивали однажды выставку её работ. Так вот, эти четыре альбома рисунков карандашом сделала, когда болела, часто лежала в постели. Но в них и местность, где шли бои, приметы сожжённых деревень, разрушенных городов, Квадратная роща, Долина смерти... Обозначены окопы наших и блиндажи немцев. Открытые огню поля и дороги, по которым перебегают санитарки, оказывают первую помощь, несут раненых на спине или тянут на плащпалатках в укрытия, картинки фронтового быта в короткие минуты передышки... Освобождённый посёлок Локня, здесь дивизия была переформирована, приняла пополнение. Ей присвоили наименование 22-й гвардейской, а Лидии Мичуриной вручили медаль «За отвагу». Это уже март 1943-го...

Большой альбом «Овеянные славой» – это тоже история дивизии, только в фотографиях рядовых и командиров, замполитов, комсогов, сандружинниц. Есть уникальная фотография: командный состав дивизии на совещании перед началом наступления на Гнездиловских высотах. Чудом сохранилась она у командира роты Александра Леонычевича Кириллова, что жил в Подмоскowie, в Голицыно. Мичурина ездила к нему за фотографией, потом увеличила её, теперь она открывает этот бесценный альбом, где есть ещё и короткие воспоминания ветеранов, вырезки из газетных статей, военных сообщений, стихи. Такое вот у неё богатство. У кого-то красивые семейные альбомы, у неё – альбомы военной истории, папки и коробки, чемоданы писем, фотографий. Не разлучалась она с дорогими людьми, бывшими её боевой семьёй. О них и рассказывала на встречах с молодёжью, в школах на уроках мужества, в музеях. Она часто бывала в редакциях газет, особенно в редакции газеты ветеранов войны и труда «Земляки», с просьбой напечатать воспоминания о ком-либо из фронтовых товарищей, подруг. Как председатель совета ветеранов полка знала, у кого и когда памятная дата в жизни, кто очень болен и кому лекарством будет эта публикация в газете. И никогда не приносила заметок о себе.

Жила, несла свою службу, как и все седые ветераны. Со временем меньше болят у старых солдат телесные раны. Вот только память... «жесточая память», как назвал её поэт-фронтовик Александр Твардовский, не врачуют её никакие годы. Бывший отважный и неунывающий старшина медицинской службы оставила в своей заветной тетрадке такие грустные строчки:

100

*Не пришлось нам прожить недотрогами
И любить, пряча лица в цветах, –
Мы прошли фронтовыми дорогами,
Не носили нас там на руках.*

Не по человеческим силам, тем более не по силам неокрепших душ тех девочек были эти испытания. Они в их снах, в их жизни всегдашней печалью.

* * *

В январе 2018 года прочитала я в «Союзном вече» (газета Парламентского собрания Союза Беларуси и России) о том, что руководство Постоянного комитета Союзного государства по просьбе ветеранов Великой Отечественной войны предложило увековечить память солдат, погибших под Ржевом, создать в Тверской области мемориальный комплекс с музеем Победы. Почему решили увековечить эти героические события спустя столько лет? «Ржевские операции стали одной из излюбленных мишеней фальсификаторов истории, – пишет газета. – Часто звучат реплики, что потери Красной армии на Ржевско-Вяземском выступе не имели смысла. Это не так. Именно подо Ржевом находилась мощнейшая немецкая группа армий «Центр», которая собиралась перебросить свои дивизии на южный фланг и идти на Москву. Красная армия не могла этого допустить, ведь решался и сценарий битвы под Сталинградом...»

Идею создания такого мемориала поддержали Российское военно-историческое общество и Министерство культуры РФ. Создана рабочая группа и объявлен открытый международный конкурс на лучший скульптурный проект, который ляжет в основу будущего мемориала. Он должен быть создан к 75-летию Великой Победы. Первые конкурсные работы выставлены в московском Музее Победы. Одну работу газета описывала так: «Четыре солдата пытаются вырваться из кольца окружения... В стремлении одолеть врага идут в наступление. Один боец тяжело ранен. Молоденькая медсестра пытается помочь и тянет его на себе с поля боя».

Тянет на себе с поля боя... Может, это наша Лидя Мичурина? Или Маша Тимофеева? Или Саша Сучкова?... Или одна из тысяч тех девушек, что ушли «Из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, в санитарный взвод <...> От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать», потому что имя ближе, чем Россия, не могли сыскать?»

Много в России памятников героям-воинам. Мы поклоняемся им, скорбим об их рано оборвавшихся жизнях. Внуки и правнуки гордятся их подвигами, несут цветы.

Памятника медсестре я не видела. Наверно, он тоже где-то есть, не может не быть... Но вот здесь, на этом Ржевско-Вяземском выступе, где 14 месяцев бились с фашистами советские солдаты, где полегло их более полутора миллионов, где приняли боевое крещение сибирские добровольческие дивизии и стояли потом насмерть, а санитарками были у них девушки из Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, Юрги...

Молоденькая медсестра тянет на себе с поля боя тяжело раненного... У кого не сожмётся сердце от боли, от невысказанной вины перед этими девушками за их невероятные испытания, ранения, увечья, за тот надлом в их юных душах, что несли они потом и несут до конца своих дней, если удалось уцелеть в огне.

Организаторы конкурса проектов мемориала высказали пожелание, чтобы памятник отражал не только само событие, но и трогал за сердце, никого не оставлял равнодушным.

Мне кажется, скорбящим ангелом, трагической нотой в великой нашей печали о несбывшихся молодых жизнях может быть фигура юной девушки-санитарки, пытающейся спасти раненого, вынести его из-под огня. Удастся ли это ей?.. И найдётся ли в большом мемориале место и для такой скульптуры?

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ИЗ ТРЁХ

*Порой в бессонной маяте
Забывтый миг пробудит память,
И в полный рост вдруг встанут те,
Которым в вечности не кануть ты,
В чеканной поступи легки,
Идут,
Расправив плечи шире,
Мои годки и земляки –
И цвет, и молодость Сибири.
Не на парад,
А в бой идут,
В дыму скрываясь, строй за строем.
Потом историки сочтут:
Из ста вернулось только трое!*

*А остальным возврата нет.
Приемля смерть, как эстафету,
Сгорят они в расцвете лет
На разных подступах к Победе.
Кто под Москвой падёт в снегах,
Кто через год – под Сталинградом.
А кто-то – в логове врага,
Почти с самой Победой рядом.
А ты идёшь, не чуя ног,
Забыв могилам счёт
И вёрстам.*

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ, ЗВЕЗДА ВОЛШЕБНАЯ

Ведь ты один из тех, из трёх,
И в землю лечь –
Куда б как просто.
Но у судьбы –
Иной резон,
Иные в будущее взгляды.
Она тот самый твой патрон
Недослала не скуки ради,
Не за красивые глаза
На спуске палец задержала:
Твой трудный жребий до конца
Она одна тогда лишь знала.
И ты идёшь,
Идёшь,
Идёшь.
У пепелища плачут дети.
С младенцем мать в крови в кювете.
В огне неубранная рожь.
Ты это всё – в себя, в себя,
За годом год,
Как губка воду.
И нестерпимое терпя,
И не ища в пучинах броду,
Немел от ран,
От взрывов глох,
Какие есть, изведал беды.
Ведь ты –
Один из тех, из трёх,
И жить обязан до Победы,
Чтоб после долго врачевать
Страны израненное тело
И остро сердцем ощущать
Страданье душ осиротелых.
И, как в боях, гореть в огне,
В делах за двух впрягаясь в ношу,
Взяв чести, совести вдвойне,
К себе,
Чем к людям, мерки строже.
Порой в бессонной маяте
Забывтый миг пробудит память,
И в полный рост вдруг встанут те,
Которым в вечности не кануть.
В чеканной поступи легки,
Идут,
Расправив плечи шире,
Мои годки и земляки –
И цвет, и молодость Сибири.
Не на парад,
А в бой идут,
В дымах скрываясь, строй за строем.
Потом историки сочтут:
Из ста вернутся только трое...

Владимир РОМАНЧИН

И тридцать лет спустя, и сорок, и вот уже семьдесят прошло, а память всё возвращает её к тем далеким дням. Иногда ярко всплывёт какой-нибудь эпизод, иногда просто картинка: идёт их группа, пять-шесть человек, по селу... Партизаны здесь желанные гости, немцев не видно.

Женщина выходит к калитке с полной миской слив, угощает их. Самые крупные и красивые сливы оказываются в Аниных руках. «Ведь это Павлик мне их всегда подкладывал», – отмечает она только теперь. Самые спелые сливы, самое большое яблоко...

Сапоги порвались, сыро было. Павлик увидел: «Снимай». Крепко-накрепко подшил их и каблук подбил...

Ложку как-то потеряла. Ребята дали немецкую. Аня не хотела этой ложкой есть. Павлик начистил её песком до блеска: «Что ж, что немецкая. Смотри, какая она чистая, блестящая»...

На фотографии рядом оказались. Да он же всегда близко от неё держался, потому и на фото вме-

102

А. Н. Волынкина (Черепанова). Москва, 1942 год

сте. С фотографии этой и началось её путешествие в прошлое. В войну, в белорусские леса, в небольшой городок Богородицк, где прежде не бывала, но где встретили её как родную и где открылась ей одна тайна.

Она только окончила школу, как началась война. Вместе с другими выпускниками четвёртой кемеровской школы пришла Аня Волынкина в райком комсомола с просьбой отправить на фронт. Иного пути юноши и девушки поколения 1940-х себе не представляли. Они знали, что предстоит смертельная схватка с фашизмом, и готовились к этому: занимались спортом, учились в аэроклубах и кружках, умели стрелять. Были все горячими патриотами, а большая часть ещё мечтателями и романтиками.

Аню взяли в армию, но до фронта была долгая дорога. Сначала в Новосибирске прошла школу молодого бойца, потом в Москве спецшколу радистов. Готовили их для работы в тылу фашистов. Немецкий язык учили, радиосвязь, совершали тренировочные прыжки с парашютом. То, что предстояло, страшило, конечно. Но разве можно было признаться в этом кому-нибудь! Рвались – скорей бы в дело.

И вот ночью на Тушинском аэродроме посадили в «Дуглас» десантную группу. Никто друг друга не знал. Сбросили в Могилёвской области, на опушке Усакинского леса.

Ане крепко повезло: не пришлось блуждать. Можно сказать, прямо с небес приняли на руки. Здесь был зимний партизанский лагерь, 2-я бригада. Без радиста они намаялись, и в то же раннее утро она уже принимала Москву.

Собралось у штаба много людей. Один наушник у Ани, другой передают из рук в руки. Включила рацию. Раздался бой курантов, а потом голос Левитана: «Говорит Москва!». Никогда не забыть ей слёзы на глазах партизан. Это Родина говорила с ними в заснеженном лесу, а кругом были враги.

Работала Аня при штабе. Принимала и передавала сводки, а с наступлением тепла пришла шифровка из Центра – группа получила спецзадание. Распрощались со 2-й бригадой и в сопровождении роты отправились в трудный путь. Длительные переходы, чаще ночью, и постоянное чувство опасности. Как и прежде, Аня утром и вечером выходила на связь, принимала и передавала шифровки. В задачу группы входило разведывать, уточнять координаты скопления войск и техники противника. Действовала конная и пешая разведка, жители сёл помогали. В немецкие гарнизоны обычно ходили подростки и девушки. Взрывники делали своё дело.

«Нас постоянно преследовали, – вспоминала Анна Николаевна, – полицаи, отряды СС и СД. При нападении карателей мы должны были отходить

в лес, прятаться. Комбриг мне приказывал: «Убегай первой, береги рацию».

Иногда мы заходили в деревни. Встречали нас местные жители хорошо. Кормили, с собой припасы давали, а ведь сами жили в таком страхе. У них жгли хаты, угоняли девушек в Германию, при малейшем подозрении в связях с партизанами расстреливали. Где они только брали силы! Я и сейчас с благодарностью вспоминаю жителей этих белорусских деревень.

По заданию Центра мы шли дальше на Запад, до тех пор, пока не соединились с нашей армией. В последние дни наступления Советской армии мы сидели в лесу. В нём же скрывались остатки разбитых немецких подразделений. Через наши головы летели снаряды «катюш» и «андрюш».

И как я уцелела в этом аду, даже ранена не была! Мама моя молитвами своими и даже жизнью своей сохранила меня – я так думаю. Ведь я не могла послать ей весточку очень долгое время. Как она настрадалась из-за меня, надорвала своё сердце. Умерла молодой. Всего 41 год ей был.

Отец тоже был в армии. Остались два младших брата, один совсем ещё маленький, в детдом его взяли. Я тогда уже в штабе 50-й армии в опергруппе шифровальщиц служила.

Освободили Гомель, когда я письмо от соседки получила. Горе было для меня огромное. Отпустили меня домой. Приехала в холодный пустой дом. Братишку из детдома забрала, стала ему матерью. Учиться, конечно же, не пришлось, хотя так мечтала после войны в институт поступить, стать учительницей литературы. Пошла работать на Азотно-туковий, братишка, что постарше был, там уже трудился. Вот и я стала осваивать профессию электрослесаря. На заводе нас собралось потом много, вернувшихся с фронта мужчин и женщин.

Анна Николаевна 37 лет отработала электрослесарем в цехе КИП и автоматики, а в последние годы ещё и наставником – учила пришедших в бригаду юношей и девушек. Ушла на пенсию с наградой – медалью «За трудовую доблесть». Но дома сидеть не смогла, в совете ветеранов Заводского района Кемерово не один год выполняла разные поручения. К 65-летию области губернатор Аман Гумирович Тулеев вручил ей медаль «За труд во славу Кузбасса».

Всё это позднее было. А в 1969 году, когда готовились отмечать 25-летие Победы, Анну Николаевну, теперь уже не Волынкину, а Черепанову, пригласили в отделение милиции. Спросили, знала ли она во время войны Павла Дмитриевича Филковского. Конечно, она хорошо помнила его, разведчика и подрывника из их бригады. Ей объяснили, что Павел героически погиб, а её разыскивают «красные

103

следопыты» из города Богородицка Тульской области, где живёт мать и сестра Павла. Завязалась переписка. Мать и сестра Павла очень просили её приехать в Богородицк, очень хотели повидать. Письму ей прислали: гречневую крупу и отрез на платье.

Прошло ещё сколько-то времени. И однажды она собралась в тот город. Но вокзале её встречали многочисленная родня Павла и пионеры с цветами. Было большое застолье.

Тут и выяснилось, что Филковские считают Аню невестой Павла, вон они на фотографии-то рядышком стоят. Очень горюют о Павле и жалеют, что не состоялась их с Аней свадьба. Потом её повели в музей, созданный «красными следопытами».

Там среди реликвий Отечественной войны: документов, фотографий, писем, пробитых касок и осколков снарядов – хранилась тетрадка-дневник Павла Филковского. И в ней почти на каждой страничке светилось её имя – Аня, Анечка, Анюта. С её именем шёл он на выполнение опасных заданий, ей посвящал стихи.

Писал, какой красивой она была утром, когда хорошую сводку приняла, как счастлив был, когда вернулся из разведки, а она обрадовалась, увидев его.

Какие нежные слова говорил он о ней в своей тетрадке, какой прекрасной она ему казалась! А может, не казалась – была в свои девятнадцать лет там, где смерть ходила совсем рядом.

Потом долгие годы она анализировала какие-то события и совсем в новом свете видела в них Павлика. Ясно так вспомнился один разговор. После тяжёлого ночного марша отдыхали они в лесу. Красиво вокруг всё было, солнышко играло, согревало их. Павлик несколько ягод сорвал, дал Ане, а кто-то пошутил: «Любовь у вас, что ли...». Политрук третьей роты Иван Трегубов, который втайне очень нравился Ане, задумчиво поглядел на них и, покусывая травинку, сказал, что сейчас никто на любовь не имеет права. А вот если повезёт, уцелеют в огне, тогда должны быть очень счастливы... Не дожидаясь счастья Иван, подорвал немцев и себя гранатами.

Звезда любви, звезда волшебная... Как далеко, через десятки лет идёт её свет. А может, и вовсе никогда не исчезает. Сберегает чью-то жизнь, кому-то даёт надежду, а кому-то помогает совершить подвиг.

Для Анны Николаевны Белоруссия навсегда осталась родной, любимой землёй. Из всех её воинских наград медаль «К 65-летию освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков» особенно дорога её сердцу. В школах на уроках мужества она рассказывала о том, как выполняли партизаны задания Центра, как помогали им жители, даже дети, подростки были связными, запоминали, куда

и сколько двигалось немецкой техники, где скапливались войска, расклеивали принятые Аней сообщения о положении на фронтах и, случалось, гибли от рук фашистов.

В музее боевой славы её родной, 4-й школы есть трогательная картинка – тоненькая юная девушка в лесу за рацией. Это Аня Волюнкина, такой её нарисовала восьмиклассница Оля Новицкая. Не прерывается связь поколений, и далёкие события истории родной страны становятся ближе и понятнее современным школьникам.

Я записала эту военную историю бывшей партизанки Анны Волюнкиной, когда она ещё была жива и часто встречалась со школьниками и молодёжью, всегда с добрым чувством вспоминая Белоруссии, её жителей... И вот нет её с нами... Многое меняется в мире...

Открываю номер «Комсомольской правды» от 25 февраля 2020 года и вижу даже не заголовок к статье обозревателя Дмитрия Стешина, а горестное обращение к читателям: «Вот и дожили: нобелевский лауреат Алексеевич объявила: «Белорусы боялись партизан больше, чем полицаев. Ведь кто такие партизаны? Поначалу это были просто полубандитские группы <...> 18-летнюю еврейскую девушку прислали из Москвы, она была связисткой. С ней спали все партизанские командиры, а потом, когда она забеременела, просто пристрелили на опушке леса».

Испытала я в эти минуты настоящий шок. Рядом с партизанской бригадой № 13 Могилевской области Аня Волюнкина словно была со мною рядом и её глазами читала я эти чудовищные слова. Вот такое можно вещать теперь в Беларуси? Умирают последние свидетели и участники Великой войны. Умолкают их голоса. И появляются алексеевичи, надрываются, чтобы их услышали. Отрабатывают премии, долги перед теми, кто им очень хорошо платит даже за самую несусветную ложь, лишь бы была она поядовитее, лишь бы молодые поскорее забыли, за что их деды и прадеды погибали. Сколько же ненависти ко всему, что свято у нормальных людей: патриотизму, долгу перед Родиной, перед будущим, наконец. Сложно сейчас в Беларуси. Всеми силами стараются оторвать её от России. Летят головёшки из соседней Украины. Там пишут новую историю незалежной. Польша старается привлечь молодёжь возможностью получать бесплатное образование в вузах, обещают миллиардные кредиты, дешёвую нефть. Много соблазнительных посулов у либерального Запада. Устоят ли белорусы? Девять тысяч сожжённых фашистами вместе с жителями белорусских сёл... Стучит ли их пепел в сердца рождённых в XXI веке?

107

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПАМЯТИ

*Неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат,
что в битвах пали,
На свете не останется следа?*

Мысль об этом ещё несколько десятилетий назад тревожила не только поэта-солдата кузбассовца Михаила Небогатова. Из крупиц индивидуальной памяти многих людей, их страданий, надежд и радостей слагается память народная. К счастью, есть у этой памяти свои стражи, свои хранители.

«Полагаю, далеко не всегда я делала правильный выбор, правильные шаги... Знаю одно – не сбивалась с главной, столбовой магистрали... Я всю жизнь занималась наукой (не кабинетной). Много, очень много работала в архивах страны над документами Великой Отечественной войны по Кузбасу и Сибири, проводила многочисленные встречи молодёжи с ветеранами разных фронтов, родными и близкими погибших, записывала, обрабатывала, публиковала их воспоминания, увековечила десятки тысяч имён живых и павших в боях за Родину кузбассовцев».

Так рассказывает о том, что вело её по жизни, Зинаида Прокофьевна Верховцева, учёный, педагог, известный не только в Кузбассе человек. Рассказывает в своей книге «Дело всей жизни» (Кузбассвуиздат. 2013), подводит итоги: чему служила, что смогла сделать.

Обожгло её душу горем людским, страхом смерти, что была совсем рядом, ещё в детстве, в сорок первом, на прифронтовой станции Кочетовка, обожгло, да так и не отпустило. Дочь фронтовика, позднее жена фронтовика, спустя десятилетия пошла она по бывшим фронтовым дорогам с поисковыми научными экспедициями. Тогда находили первых непохороненных солдат, их медальоны, устраивали братские могилы, ставили памятники иobelisks, вели скорбный счёт погибшим.

Во многих сражениях отличились сибиряки, в том числе и кузбассовцы. Но долгие годы почти не было публикаций об их вкладе в Победу. Пришла после окончания Кемеровского педагогического института в отдел истории краеведческого музея, а затем уже и на преподавательскую работу в вузах.

Верховцева исследовала эту тему, встречалась с ветеранами войны, читала их воспоминания, участвовала в работе научных конференций. В Центральном архиве министерства обороны в Подольске, куда открыли доступ военным историкам, хрупкая молодая женщина была непривычной фигурой, там прозвали её Школьницей. А она сидела за столом с утра до позднего вечера, пока не истекал срок очередной командировки. Возвращалась в Ке-

З. П. Верховцева

мерово с добытыми материалами, и в результате в музее открывались новые экспозиции, в газетах и журналах появлялись статьи, а потом стали выходить книги.

«Рубежи бессмертия (Кузбассовцы в боях за Родину. 1941–1945 гг.)», «Солдаты Сибири. 1941–1945 гг.», «Стояли насмерть. 1941–1945», «Величие подвига», «Вместе сражались за Родину», «Гордость и слава Кузбасса. 1941–1945» – без этих книг уже невозможно представить историю Отечественной войны. Сибирское отделение Академии наук отметило, что труды Верховцевой отличается фундаментальность, объективность, высокая историческая достоверность. Они прочно вошли в научный оборот, в том числе академических изданий, существенно обогатили историческую культуру Кузбасса, Сибири, всей нашей страны.

А для Зинаиды Прокофьевны несравнимой ни с чем радостью были отзывы самих участников сражений. Полковник в отставке Александр Иванович Горбачёв написал ей из Новосибирска: «Самым ценным в Вашем труде является историческая

достоверность. «Рубежи бессмертия» – это не вымысел, а живая, суровая правда без всякого преувеличения... Это первая ласточка в Сибири, первая попытка исторического исследования и литературного обобщения героизма не отдельной группы воинов или даже отдельной дивизии, а группы сибирских соединений, действующих в разное время и на разных участках фронта...»

Леонид Николаевич Пономаренко, Герой Советского Союза, писал о книге «Гордость и слава Кузбасса»: «Большого уважения к участникам Великой Отечественной войны не встречал ни в одной подобной книге. Это настоящий гимн подвигу, мужеству, это памятник самопожертвованию советских людей, моих земляков... Это настоящий учебник патриотизма для подрастающего поколения...»

Годы идут, изданные (некоторые дважды) десятилетиями тиражами книги эти исчезли с полок магазинов, обветшали в библиотеках. Разве будут они невостребованными в будущем? Не прочитаны теми, кому необходимы как путеводный луч в сегодняшней России?

...Осенью 2012 года Верховцева вместе со своим небольшим коллективом завершила труд, поистине завещанный от Бога, – 20-томную Всекузбасскую Книгу Памяти. Увековечены в ней имена более 150 тысяч наших земляков, павших в военных сражениях. Это низкий поклон им от ныне живущих.

Ещё в январе 1989 года ЦК КПСС принял решение о создании Всесоюзного печатного памятника погибшим в Великой Отечественной войне защитникам Родины. Во всех республиках, краях и областях, в том числе и в Кемеровской, началась тогда грандиозная работа по выявлению имён погибших в архивах военных ведомств и соцобеспечения; изучались списки, присланные с мест захоронения, умерших в госпиталах, донесения Центрального бюро по учёту боевых потерь, выписки из приказов Главного управления кадров Наркомата обороны СССР, другие документы центральных и местных архивов. В это патриотическое движение-поиск было вовлечено множество людей, в том числе студентов, даже школьников. Руководила ими областная администрация, и вдохновлял, не оставлял своей заботой тогдашний губернатор Кузбасса А. Г. Тулеев. Все сведения стекались в созданную редколлективу Всекузбасской Книги Памяти. Живо представляю тот момент, когда при выборе редактора-составителя многотомного издания бывший тогда заместителем председателя облисполкома Г. В. Корницкий сказал: «Верховцеву. Больше никого». А Зинаида Прокофьевна вспоминает притчу нашего земляка Василия Фёдорова о Строителе, что взвалил тяжёлый камень на плечи поэта и ве-

л его нести на вершину горы: «Там будет храм». Согбенный усталостью, но не один раз хотел сбросить поэт этот камень, но всякий раз спрашивал себя: «А кто же понесёт его наверх? Когда не я, то кто же?». Верховцева приняла такой камень и неслала почти 25 лет.

Для тех, кому не доведётся прочитать книгу «Дело всей жизни» (тираж её очень мал), скажу только, что напряжённости, ответственности, физической трудности работы даже только над проверкой списков не выдерживали многие сотрудники, приходившие в коллектив.

Очень короткое время занималась этим и я – проверяла составленные по начальным буквам фамилий уже публиковавшиеся в газетах и брошюрах списки погибших. И вот читаешь, например: «Иван Иванович Меткин. Год и место рождения, когда, где и кем призван в ряды армии, в каких войсках служил, дата гибели, место захоронения». А через несколько строчек фамилия Меркин, и все остальные сведения совпадают, кроме даты или места гибели. И есть ещё Медкин! Кто же это всё-таки?!

Первоначальные списки составлялись по мало-разборчивым документам, заполнявшимся в полевых условиях, часто под огнём. Не каждая буква в написании понятна. Вот и сверяешь имена и фамилии по другим документам – «похоронкам», письмам в солдатских треугольниках, письмам родных... И это только одна чисто техническая деталь, один штрих в многотрудном процессе создания печатного памятника. А у научного руководителя, организатора всей работы было их бесчисленное множество!

Вышел последний, 20-й том. Наша Всекузбасская Книга Памяти признана лучшей среди подобных изданий в стране, награждена многими грамотами, дипломами, медалями российских военных и общественных комитетов. Отличается она не только высокой исторической достоверностью, но и всей своей обращённостью ко дню сегодняшнему, сердечностью, теплотой, бесконечным уважением к павшим за Родину. С трепетным бережением собраны и помещены в ней отрывки из писем, чудом сохранившиеся фотографии, воспоминания товарищей, что были рядом в боях. И много прекрасных стихов из сокровищницы советской военной поэзии. То, что порой не сказано в документах, звучит в проникновенных строчках поэтов-фронтовиков. Для родных и близких, детей, внуков и правнуков зачастую только том Книги Памяти, где сказано несколько строк о дорогом человеке, прежде считавшемся без вести пропавшим, – единственная весточка о его судьбе. И плачут, бывает, над ней, и ставят на видное место в своих домах.

А Зинаида Прокофьевна Верховцева, ведущий сотрудник Кемеровского госуниверситета, доцент,

кандидат исторических наук, почётный гражданин Кемеровской области, до самых последних дней своей жизни шла по выбранной в юности дороге, намечала для будущих историков, что надо сделать, чтобы не осталось забытых солдат. Ведь имя не каждого ещё погибшего солдата увековечено. Есть и желающие переписать историю, увести молодёжь тропой забвения не только дорогих имён доблестных воинов, но и того, за что они сражались насмерть. Так если не мы, то кто же?

ГОДЫ, ГОДЫ...

*Далеко, далеко уже где-то
Вся в воронках, в пыли колея,
Где прошла, в гимнастёрку одета,
Ясноглазая юность моя.
И уже забываются лица
Забайкальцев, минчан, москвичей,*

*С кем в окопах пришлось мне ютиться
Много жарких бессонных ночей.
Лица смутны... Но зримо другое,
Время это никак не сотрёт:
Как, оглохнув от грохота боя,
Мы бежали по полю вперёд.
А навстречу – огонь пулемёта,
Нет надежды остаться живым.
До чего умирать неохота
Жизнелюбам, бойцам молодым!
Но какая-то гордая сила
За решающий миг до конца
Над землёй, над собой возносила
И на подвиг бросала юнца!..
А теперь, распрямившись устало,
Это он после трудных путей
В мирном сквере глядит с пьедестала
На играющих рядом детей.*

Михаил НЕБОГАТОВ

